

РАУЖИНА А. М.

РЕЦЕПЦИЯ «ОНЕГИНСКОГО ТЕКСТА» В ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на русскую поэзию XIX столетия. В ходе исследования делается вывод о появлении в русской поэзии лиро-эпических жанров, ориентированных на «онегинский текст». Анализ поэтических текстов А. Лякиде, Д. Минаева, Трилунного показал, что авторы в своих произведениях чаще всего используют иронию, пародию, травестию. Отталкиваясь от классического образца, они создают перепевы, где знаковые образы и сюжеты демонстрируют авторского отношения к современной действительности и актуальным проблемам эпохи.

Ключевые слова: поэзия, А. С. Пушкин, «онегинский текст», лиро-эпос, рецепция, пародия, ирония, перепев.

RAUZHINA A. M.

RECEPTION OF THE "ONEGIN TEXT" IN THE POETRY OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article studies the influence of the poetic novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin" on the Russian poetry of the XIX century. In the course of the study, a conclusion is made about the appearance in Russian poetry of lyric-epic genres oriented towards the "Onegin text". Analysis of the poetic texts by A. Lyakide, D. Minaev, Trilunny showed that the authors in their works most often use irony, parody, travesty. Starting from the classical model, they create rehash, where iconic images and plots demonstrate the author's attitude to contemporary reality and topical issues of the era.

Keywords: poetry, A. S. Pushkin, "Onegin text", lyro-epic, reception, parody, irony, rehash.

Жанр романа в стихах зарождается в английской литературе в начале XIX века. Его появление связано с творчеством Байрона и, в частности, с трудом его жизни – поэмой «Дон Жуаном». Новаторское слияние драматического и лирического, оформившееся в произведении английского классика, стало основанием для популярности жанра, что привело к его распространению «по всем европейским литературам» [4, с. 31]. Особенно привлекательным данный жанр стал и для А. С. Пушкина. Уже в 1823 году писатель начинает разрабатывать национальный вариант подобного лиро-эпического жанра. Создавая «шутливую пародию», как пишет сам автор в предисловии к восьмой главе «Евгения Онегина», он создает каноничный образец жанра романа в стихах.

Позднее, такие отличительные поэтологические особенности жанра, как стилевая непринужденность, композиционная стройность и универсальность, наличие лирических

отступлений становятся весьма привлекательными для многих поэтов XIX века, что создает почву для появления множества различных пародий и перепевов, а также использования ключевых деталей и имен главных героев в «продолжениях поневоле» [9, с. 9]. Один массив произведений достраивает сюжетную линию «Евгения Онегина», отправляя главного героя в территориально экзотические места, другой – воспроизводит дальнейшую повествовательную канву судьбы главного героя и даже его потомков. Если для В. Г. Белинского «роман без конца» стал явлением понятным: «довольно и этого знать, чтобы не захотеть больше ничего знать», то для последующих писателей – это стало средством ведения дискуссий и отображения социальных явлений времени через подобные жанровые формы. В творческой практике многих поэтов данный роман становится не полномасштабной «энциклопедией русской жизни», а чаще всего «мини-энциклопедией» современной действительности [1, с. 409].

Одной из первых серьезных попыток продолжения пушкинского романа в стихах стал «рассказ в стихах» А. Г. Лякидэ «Судьба лучшего человека» (1889), повествующий о конце жизни Евгения Онегина. Уставший от жизни главный герой, отправляется в путешествие в Сибирь. Автор изображает знакомство Онегина с девицей-кавалеристом, перешедшее в разговоры-суждения. Новые знакомые спорят о месте женщины в социальной иерархии, возможных интересах и женственности вообще, то есть автор поднимает вопросы, актуальные в то время, связанные с зарождением явления эмансипации в России:

Довольна жизнью я своей!

На что мне женственность? Бог с ней [9, с. 59].

Произведение Лякидэ концентрирует внимание не на событийности жизни героя, а на его мыслях и рассуждениях по поводу. Разговоры героев затрагивают поверхностные темы. Сюжет рассказа в стихах выстраивается с опорой на небольшой круг персонажей, в нем нет полномасштабных картин жизни, но существует отчётливая мотивировка поступков героев, что является определяющим для данного стихотворного рассказа.

Поэтический текст А. Г. Лякидэ, одним из первых показавший продолжение жизненного пути Евгения Онегина, отличается рядом несовершенств, отмеченных самим автором: растянута одна мысль на несколько четверостиший, синтаксические неточности. В. и А. Невскими данное предисловие отмечается как часть «литературной игры», когда текст схож с предисловием «От издателя» к «Повестям Ивана Петровича Белкина». [9, с. 9].

Значительным произведением в ряде переложений и перепевов пушкинского романа в стихах стал текст Д. Минаева «Евгений Онегин нашего времени» (1865). Первоисточник в данном случае стал основой для воплощения ключевых идей и мыслей шестидесятых годов

XIX века. Но, прежде всего, современниками в этом перепеве была увидена переключка с опубликованной в журнале «Русское слово» статьей Д.И. Писарева «Пушкин и Белинский», на что явно указывают прямые цитаты в тексте. Так, в первом варианте издания Д. Минаев подчеркивал: «наряжая и исправляя Е. Онегина по собственной мерке, эти критики, разумеется, договорились до карикатуры, что и хотел показать в предлагаемой поэме» [5, с. 455]. Именно потому положительное отношение перепева к первоисточнику «не вызывает сомнение и заложено в самом смысле» [4, с. 299]. Стоит отметить, что со времени публикации первых глав в 1865 году и до третьего издания отдельного романа в 1877 году, Д. Минаев расширяет замысел произведения. Целью становится не только защита первоисточника от критики Д. И. Писарева, но и изображение «нашего времени».

Онегин в тексте Минаева – сатирический портрет Базарова, которого Д. И. Писарев в своей статье приводит в пример как настоящего героя в настоящем романе:

*Онегин, добрый мой приятель,
Был по Базарову скроен:
Как тот, лягушек резал он,
Как тот, искусства порицатель,
Как тот, поэтов не ценил
И с аппетитом ел и пил* [9, с. 161].

Пушкинский иронический прием Д. Минаев доводит до сатиры, сохраняя при этом направленность на первоисточник. Оба Евгения выражают презрение к высшему свету, но если пушкинский герой делает такие выводы на основе собственного жизненного опыта, из принадлежности к соответствующему сословию, а значит и значительному пребыванию в нем, то минаевский герой строит подобные суждения, в сущности, не имея прямого отношения к высшему свету, а потому образ становится истинно смешным.

Сюжетные линии поэт-сатирик доводит до абсурдности: вызывающее поведение героя с высказыванием о том, что «Пушкин – идиот», сжигание книг, эгоистичность в реакции на письмо Татьяны. Онегин не в силах понять не только глубину чувств героини, но даже стиль ее письма. Он укоряет ее в излишней мечтательности и чувственности, выдуманной любви, не имеющей оснований, воспринимая все слова Татьяны в прямом смысле (так, автором используется прием реализации метафоры для достижения комического эффекта):

*Я к вам пишу – чего же боле?
(В любви признанье! вот те на!)
Теперь, я знаю, в вашей воле
Подумать, как смешна она.
(Еще бы! как еще смешна!)*

*Сначала я молчать хотела
(Недурно б было помолчать!),
Когда б надежду я имела
Хоть раз в неделю вас встречать,
Чтоб только слушать ваши речи...
(Вот любопытная черта:
Не раскрывал пред ней я рта
От первой до последней встречи.)* [9, с. 170].

Для создания комического эффекта автор использует прием комментирования, что в итоге служит средством раскрытия образа Онегина, его эгоистического отношения к людям. Гротеску подвергается и представленное общество: пушкинскому театру с прекрасной Истоминой и восхищающимися ею зрителями противопоставляется спящая публика и «бедные» актеры, стремящиеся хоть как-то помочь автору. Таким образом, поведение героя Пушкина объясняется устройством его собственного сознания и взглядов, а Онегин в перепеве лишь солидарен в оценке происходящего с обществом и с автором.

Анализируя оценку романа, данную В. Г. Белинским, Д. И. Писарев иронично отмечает: «...при сем удобном случае его (Онегина) бобровый воротник серебрится морозной пылью; и это достопамятное обстоятельство обладает удивительной способностью “делать поэтическими самые прозаические вещи”» [7, с. 308]. Д. Минаев реагирует на замечание, делая предметом описания еще более прозаические явления:

*Морозной пылью серебрится
Его густая борода.* [9, с.163].

Онегин-нигилист не создает ситуацию для дуэли, так как включение в произведение сцены гибели Ленского способствовало бы созданию фарса. Поэтому, сродни множеству героев антинигилистических произведений, главный герой уезжает в путешествие, заняв предварительно денег в долг. Неслучаен в перепеве и пропущенный эпизод длиной в год. Пушкинская Татьяна в это время для поддержания чувств неоднократно посещает кабинет Онегина, читает его книги, что, по мнению Д. И. Писарева, бесполезно: «Невозможно понять, зачем Пушкин навязал Татьяне все эти критические размышления и зачем он хочет нас уверить, что ей открылся мир иной <...> Для того, чтобы повиноваться мамаше в самых важных случаях жизни, не было ни малейшей надобности открывать новый мир» [7, с. 347]. Так, в ответ на суждение критика, в жизни минаевской героини нет подобного промежутка.

Д. Минаев создает необычный финал своего романа. В итоге главный герой становится прокурором, а Татьяна испытывает страсть к карточным играм, а затем и вовсе становится подсудимой по делу об отправлении мужа. Ее дело и рассматривает Онегин. Данные

стечения судеб во время господства «непоэтической эпохи» актуализируют пародийный характер сочинения Д. Минаева, показывают стремление не создания собственно романа в стихах, а памфлета, когда «Пушкин – уже не мишень, а оружие, которым поражают противника» [9, с. 10]. Используя ключевые моменты, образы, а также цельные фрагменты канонического произведения, сатирик отражает приметы эпохи и ее проблемы. В финале сатирик подводит итог своим поэтическим экспериментам, утверждая значимость классического романа:

*Прошу прощенья у славян
И у славянского поэта,
Что я классический роман
Подверг цинической проверке,
Перекроил по новой мерке
И перешил на новый лад.
Но я ли в этом виноват?
Пусть устыдится критик бедный,
Что он в бессилии толкал
Поэта гордый пьедестал.
Но от руки его безвредной
И лавр не сдвинулся с чела,
И слава та же, что была [9, с. 199].*

Особое место в ряду перепевов классического жанра занимает произведение Трилунного (Д. Ю. Струйского) «Онегин и Татьяна, или Прерванное свидание» (1830), созданное еще до окончательной публикации оригинального текста.

Произведение представляет собой не столько дальнейшую судьбу главного героя или ее трансформацию, сколько «продолжение поневоле» с использованием в повествовании любовной истории известных пушкинских персонажей и некоторых прямых цитат. Дух перепева навеян грибоедовской пьесой: Онегин являет собой подобие Чацкого, избирающего для порицания пороки окружающих, круг действующих персонажей включает в себя Хлестову (свояченицу Фамусова), которая, среди большинства, мешает развернувшейся любовной интриге [6]. Но Трилунный не ставит перед собой задачу создать произведение, способное претендовать на статус самобытного художественного текста. Сочинение подобного плана – это следствие популярности романа А. С. Пушкина у современников. К тому же, автором дается определение не романа в стихах, а сценки из «комедии-водевиля».

Исходя из всего вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что роман в стихах А. С. Пушкина сыграл важную роль в развитии лиро-эпических жанров. Широкие

возможности избранной синтетической формы позволяют увеличивать границы изображаемого, охватывать большой пласт тем, отражать черты и проблемы своей эпохи. Несмотря на то, что литературная практика XIX века не смогла предложить подобного по масштабу и значимости поэтического текста, однако, созданные с «оглядкой» на пушкинский текст произведения, стали своеобразным орудием полемики по актуальным вопросам современности. Возникновение разного рода перепевов и сиквелов представляет собой поэтический диалог между классиком и последующими литературными эпохами. С каждым новым появлением перепева оригинальный текст только подтверждает свою актуальность и значимость для современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.
2. Гудкова С. П. Судьба «онегинского текста» в современной поэзии // Пушкин и литературный процесс : материалы Межд. научн. конф. Псков, 2020. – С. 140–149.
3. Дмитриев В. Г. По стране литературы: этюды. М: Московский рабочий, 1987. – 236 с.
4. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы. – Л. : Академия, 1978. – 421 с.
5. Минаев Д. Д. Собрание стихотворений / Вступ. ст., ред. и примеч. И. Г. Ямпольского. – М. : Советский писатель, 1947. – 489 с.
6. Новиков В. И. Книга о пародии. – М. : Советский писатель, 1989. – 299 с..
7. Писарев Д. И. Сочинения : в 4 т. – М. : Гослитиздат, 1956. Т. 3: Статьи. 1864–1865.
8. Розанов И. Пушкин в поэзии его современников. – М. : Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 1025–1042.
9. Судьба Онегина / Сост., вступ. статья, комментарий В. и А. Невских. – М. : Ассоциация. Экост, 2001. – 544 с.